
ТЕОРИЯ

Э. С. КУЛЬПИН

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА*

В статье рассматриваются факторы, способствующие и препятствующие процессам модернизации в России.

Ключевые слова: модернизация, самоорганизация общества, индикаторы, технологии, пусковой механизм, климат, системы ценностей.

Если собрать воедино все публикации в СМИ и научные статьи, посвященные модернизации, за последние пару лет, наберется материала не на одну книгу. Модернизация стала «самым модным термином в интеллектуальном дискурсе сегодняшней России» (Янов 2009). Об актуальности перемен в России говорят и иностранцы. Ученые – с пониманием и сочувствием. Например, вот как считает известный эколог Деннис Медоуз: «В течение ближайших двадцати лет мир ожидает больше драматических перемен, чем за все прошедшее столетие... У вашей страны есть неплохой шанс пройти через этот период достаточно мягко, если, конечно, будут приняты грамотные стратегические решения. Однако пока я далеко не уверен, что в России эти шаги будут сделаны» (Медоуз 2012). Ученый-славист, профессор Витторио Страда, бывший культурный атташе Италии в РФ и большой друг нашей страны, говорит так: «Полна неизвестностей и новая фаза российской модернизации, фаза глобализационно-постмодерная, когда, с одной стороны, все в мире стало взаимозависимым благодаря сети взаимосвязей, соединивших многочисленные параллели развития, но с сохранением глубокого неравенства в уровнях при западной, главным образом американской, гегемонии. С другой стороны, присущие миру модерности

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 11-06-00143.

дробление и деиерархизация ценностей достигли крайней степени нигилизма, граничащего с хаосом. В эту новую фазу Россия вступает, имея за плечами историю, которая парадоксальным образом отличалась большей специфичностью, когда претендовала именно на больший интернационализм, то есть в советское время, когда произошла еще и денационализация России, превратившейся всего лишь в момент, пусть и центральный, беспрецедентного анационального организма – Советского Союза» (Страда 2000).

При всей актуальности проблемы научных монографий по данной теме до сих пор нет¹. И вовсе не из-за новизны темы, «модернизация, как известно, – очень старое русское занятие... Авторитарная власть периодически замечала русскую отсталость и бросалась ее преодолевать» (Фурман 2010), а из-за исключительной сложности анализа. Сложность связана с нынешним состоянием мира, состоянием великого перехода, в котором мы все сейчас пребываем. Но если нам трудно говорить о будущем, то, может быть, станет легче, если поймем прошлое?

Известно, что в России все модернизации были догоняющими². И тут возникает крамольный вопрос: а был ли когда-либо момент появления умонастроений опережающего развития? Или хотя бы предпосылки к такому появлению? Может ли он состояться в принципе? И если все-таки может, то при каких неперемных условиях? Для традиционной истории, не имеющей сослагательного наклонения, все эти вопросы находятся за пределами науки. Но нынешняя эпоха перемен провоцирует на решения, которые недавно были прерогативой лишь сферы искусства. Итак, какие условия благоприятствуют умонастроению модернизации, а какие – нет?

Как историк говорить о незавершенном процессе (например, будет или не будет «закат» Европы) я не имею права. Как философ

¹ Если не считать недавно вышедшую в свет монографию В. В. Лапкина (2012) (рецензию см.: Кульпин 2013).

² Это вовсе не значит, что в истории России не делались открытия или открытия не внедрялись в производство. Делались, и иногда довольно значительные. Например, изобретение «единорога» Шувалова (см.: Нефедов и др. 1999), позволившее России одержать блистательную военную победу над Пруссией при Елизавете Петровне и затем ряд побед при Екатерине Великой. Однако это открытие, как и все другие такого рода, имело ограниченную область воздействия на эволюцию общества, не стало стимулом, «пусковым механизмом» преобразований в экономике и социальных отношениях страны.

о будущем в эпоху перемен однозначно говорить не могу, поскольку прошлое будущему не указ: ведь «закат» Европы может произойти по резонам, которые сегодня просто не рассматриваются³. Но можно поговорить о некоторых факторах. Тех, которые делали догоняющую модернизацию успешной; о моментах, когда переход от догоняющей к опережающей модернизации (разумеется, теоретически) был возможен; и снова о факторах, которые при этом должны были быть задействованы. Наконец, о самом главном, решающем факторе – *точке невозврата*. О той точке, после достижения которой можно сказать: модернизация состоялась, общество назад уже не вернется. Точка невозврата связана со сломом прежней системы самоорганизации общества и закреплением этого слома во времени.

Точка невозврата

За последние три века мы видим три (две?)⁴ попытки преодоления отсталости. Первая – реформы начала XVIII в. (петровская модернизация), вторая – преобразования со второй половины XIX в. до 1917 г. (Великие реформы), третья – советская модернизация XX в. Кажется, что о ситуации необратимости реформ можно говорить определенно лишь для петровской модернизации. Она возникла тогда частью целенаправленно, частью случайно.

Успеху на начальном этапе реформ способствовало блокирование возможного сопротивления со стороны трех самоорганизованных слоев русского общества: духовенства, дворянства и бюрократии. Как известно, православная церковь формально была независима от государства. Хотя патриарх и не играл роли судьи в свет-

³ Мне приходилось писать о парадоксе *будущего* мира, который может оказаться миром не будущего Европы, а прошлого Китая (Кульпин 1990).

⁴ Но было ли их в действительности три? Или такое деление вызвано исключительно идеологическими установками? Великие реформы и советская модернизация имели по «гамбургскому счету» одну цель – индустриализацию, построение индустриального общества. Так, например, по мнению В. В. Лапкина, царское самодержавие XIX – начала XX в. продемонстрировало обществу свою неспособность реализовать проект индустриализации, «потребовалось новое радикальное преобразование всего социального и государственного механизма самодержавия, что удалось осуществить лишь по итогам большевистского переворота» (Лапкин 2012: 97). «Именно потребность продолжения нерыночной индустриализации, – пишет исследователь, – обусловило появление большевистского режима, который был призван “решить эту проблему”» (Там же: 111).

ской жизни, он имел моральное право осуждать неблагоприятные поступки не только дворян, бояр, но и царя, вплоть до анафемы – отлучения от церкви. Разумеется, эта возможность не была тождественна функции суда в разделении трех ветвей власти, к которому шло общество в Западной Европе – законодательной, исполнительной и судебной, но церковь в лице патриарха могла в условиях массовой поддержки противостоять светской власти, как это и было в Смутное время. Возможность такого поворота событий была устранена Петром I после смерти в 1700 г. патриарха Андриана недопущением избрания нового высшего пожизненного правителя церкви⁵, а затем заменой органа внутреннего самоуправления церкви Освященного собора органом государственного управления – Синодом (по сути, министерством). Не стало патриарха – не стало возможности морального осуждения церковью реформ, проводимых властью.

Ликвидация самоорганизации дворянства и бюрократии произошла как побочное следствие других целенаправленных действий. До Петра важнейшей составной частью армии было дворянское ополчение, а формальным высшим органом власти – Боярская дума. И ополчение, и дума были ликвидированы Петром в связи с их явной некомпетентностью в решении военных проблем и управлении страной. Вместе с ликвидацией поместных сборов дворян в военных целях ими была утрачена и легальная возможность обсуждать и принимать решения политического характера. Возможность спаянной старой бюрократии приказных дьяков противостоять реформированию страны была подорвана тем, что в условиях войны созданная Петром новая армия начала осуществлять управленческие функции, а перенос столицы из Москвы в Петербург довел роль старой бюрократии в управлении державой до минимума.

Одновременно с ликвидацией элементов самоорганизации прежней элиты страны Петр I создал новую, отличающуюся от прежней качественно и количественно. Дворянство численно удвоилось. Часть прежнего дворянства была лишена сословных привилегий, новое – рекрутировалось из всех сословий. Социальные лифты работали как никогда прежде и после в истории державы.

⁵ Выбор следующего патриарха состоялся после Февральской революции 1917 г.

Карьера находилась в прямой зависимости от уровня профессиональных знаний и добросовестности служения государству. Преобразования продолжались более 18 лет, то есть превышали срок демографической смены поколений, который во все времена совпадает с интервалом времени биологической и социальной активности человека. Данное обстоятельство является временным индикатором точки невозврата: представители прежней элиты, не нашедшие своего места в новых условиях, либо покинули сей мир, либо вышли из активного возраста. Ясно, что это была точка невозврата догоняющая, но были ли созданы условия для перехода в опережающую модернизацию? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно реконструировать умонастроения той эпохи.

Фактор целесообразности

Представление целесообразности, как бог Янус, имеет два лица. Одно обращено внутрь, но извне, другое – в мир, но изнутри. Что видели продвинутые русские люди, глядя в мир? Следствия двух выдающихся изобретений XVII в.: голландский флейт и шведские гаубицы. По скорости и маневренности флейт значительно превосходил каравеллу – величайшее достижение XV в. Благодаря флейту голландцы стали господствовать на морях. Из 20 тыс. торговых судов всех стран Западной Европы 16 тыс. принадлежало Голландии. Успехи в развитии сельского хозяйства и промышленности явились основой развития голландской торговли. В руках ее купечества было сосредоточено 4/5 всего объема морской торговли (Изучение... 2012). Флот и промышленность сделали Голландию символом буржуазного процветания с ее пивоварнями, маслодельнями, художественным кафелем и фарфором, часами и ювелирными изделиями, с чистыми улицами, мостовые которых уже тогда мыли с мылом. По Европе стала распространяться волна модернизации по голландскому образцу. Еще одно фундаментальное открытие той эпохи – шведские гаубицы. Благодаря им шведы стали хозяевами Центральной Европы, за двадцать лет войны ими было сожжено 20 тысяч городов и деревень и погибло 2/3 населения Германии. Народы Центральной Европы с трепетом наблюдали за шведским вторжением (см. об этом: Нефедов и др. 1999). Затем шведская армия обрушилась на Польшу – самую близкую «соседку» России,

связанную с ней традиционными отношениями любви и ненависти. Вторжение шведов в Речь Посполитую в 1655–1660 гг. получило название Шведский потоп (Кровавый потоп, Шведская погибель)⁶. Иными словами, в глазах европейцев XVII в. и, надо полагать, московитов, модернизироваться означало иметь промышленность и флот, как у Голландии, а армию – как у Швеции.

Но надо ли воевать со Швецией, если хочешь жить, как в Голландии? Мешала ли Швеция обустройству российской жизни по-голландски? Угрожал ли России Шведский потоп?

Что для северной и потому бедной Швеции было в то время нужно для сохранения достигнутого и дальнейшего развития? Консолидация территории и новые ресурсы, среди которых важнейшие в то время – продовольствие (хлеб) и древесина (флот). Одного взгляда на карту того времени достаточно, чтобы понять, откуда брать ресурсы и как можно связать в единое целое отдельные земли королевства. Из всех соседей Швеции действительно была богата лесом и хлебом Речь Посполитая, в то время самая большая по территории страна Европы. Ее строевой лес был источником для мачт кораблей всей Европы в течение двух предыдущих веков, а хлеб стал необходимым условием для развития Голландии – колыбели европейского капитализма. Для консолидации территории, то есть гарантии безопасности экономических связей между отдельными частями государства, в идеале нужно было сделать Балтийское море внутренним озером – завоевать ту часть его побережья, которая еще не принадлежала Швеции и находилась во владениях Дании, Пруссии и Польши. Если нельзя завоевать, то эти страны желательно сделать союзниками или хотя бы нейтралами. Причем начинать надо с Дании, проливы которой закрывают вход в Балтику для флотов стран Западной Европы. Контроль над «воротами» в Балтику позволял решать проблемы с соседями по морю без «посторонних», вне зависимости от того, кем эти «посторонние» в тот или иной момент являются для Швеции – союзниками, нейтралами или противниками.

На первый взгляд кажется, что Россия – страна огромных ресурсов. Однако ее ресурсы обесцениваются почти до нуля громад-

⁶ URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D8%E2%E5%E4%F1%EA%E8%E9_%EF%EE%F2%EE%EF

ностью территории, отсутствием надежных коммуникаций и необходимостью вложения колоссальных средств для их создания и эксплуатации. Неслучайно дороги – одна из двух бед России во все времена. А хлеба России в то время не хватало для пропитания своего населения. И не только потому, что Черноземный Центр только начинал осваиваться хозяйственно (лишь столетие спустя Черноземье становится житницей России), но и потому, что вся Европа находится в самом тяжком климатическом времени тысячелетия – на пике Малого ледникового периода (динамику климата см.: Клименко и др. 2012)⁷. Вся Европа, а особенно ее север, страдала от дефицита продовольствия. И более всех – Россия. Из ста лет XVII в. в России на общероссийский голод пришлось 60 лет, вызванных 50 годами засух в разных районах, 25 дождливыми летними сезонами, свыше 30 исключительно морозных зим, 18 возвратов холодов в начале лета, 15 лет нашествий вредителей, в основном саранчи (История... 2007: 58–70). Говоря о России, нельзя забывать, что и сегодня (а мы вернулись сейчас на допетровскую территорию) «более двух третей нашей территории (11,57 из 17,08 млн км²) составляют земли, не приспособленные для постоянного проживания человека (речь не идет о чрезвычайно малочисленных группах автохтонного населения, приспособившихся к экстремальным условиям за тысячелетия медленного эволюционного вживания). Это земли, на которых среднегодовая температура воздуха ниже –2 °С или расположенные на высотах выше 2000 м над уровнем моря. За десять тысяч лет, прошедших после окончания последнего ледникового периода, человек так и не смог устойчиво закрепиться в этих областях с чрезвычайно суровыми природными условиями. Да этого и нельзя требовать от потомков одного из видов африканской фауны, для которого снег и лед – редчайшее и грозное событие, но никак не норма жизни... Оценивая “эффективную” площадь страны <...> мы с удивлением обнаружим, что Россия вовсе не самая большая страна мира, а только пятая по территории, и что в XX столетии мы потеряли с Финляндией, Польшей, Прибалтикой,

⁷ Что России, между прочим, нередко помогает. В частности, эпицентр Северной войны – 1708–1710 гг. – совпал с исключительно морозными зимами, когда, замерзнув, «*премногу шведов погинуло*» (История... 2007: 73).

Белоруссией и другими странами фактически *половину* (!) своей эффективной площади» (Клименко 1997: 60–61). В XVII в. положение было еще более тяжелым, чем сегодня, хотя уже начался процесс реосвоения самых плодородных земель России – Черноземного Центра – и присоединения Украины. Но оба приобретения были обесценены чрезвычайно неблагоприятными погодными условиями Малого ледникового периода и борьбой Турции (Крымского ханства), Польши и России за Украину, из-за чего относительно благополучная земля превратилась в руины.

Ни для консолидации территории, ни для новых ресурсов Швеции Россия была не нужна. Швеция объективно не могла быть агрессором, ни актуальным, ни потенциальным. Единственное, в чем была заинтересована Швеция, так это в сохранении отсталости России. И для этого достаточно было изолировать Россию от Европы – единственного в то время в мире источника новых технологий. Изоляция достигалась блокированием выхода России в Балтику. Хотя прямые побудительные мотивы выглядели иначе, с точки зрения консолидации территории и завоевания новых ресурсов действия Карла XII безукоризненны: сначала победа над Данией, затем – Польшей. Россия же Карла не интересовала как территория, а как к противнику Карл относился к ней с полным презрением⁸. С точки зрения объективных государственных интересов Швеции враждебность России была малозначимой досадной помехой на пути достижения главных целей. Напротив, для России Швеция выглядела принципиальной преградой развития.

Россия напала на Швецию не потому, как думают некоторые исследователи (Нефедов 2011), что Швеция ей угрожала или могла угрожать. Северный гегемон, конечно, мог и сам напасть, что в истории бывало, но для решения локальных задач. Если природные ограничения делали агрессию Швеции против России с целью завоевания страны бессмысленной, то имела ли смысл агрессия Рос-

⁸ «Еще до отплытия под Нарву Карлу внушали, что следует заключить мир с Августом и вести войну только с Россией. Но Карл не хотел ничего слушать. Русских он совсем не опасался, они внушали ему только презрение. Высадившись в Пернау, он даже хотел оставить Нарву царю и идти против Августа – такую ненависть внушал ему этот государь, покусившийся на богатейшую провинцию Швеции <...> После Нарвы советы вести войну только с царем усилились, но Карл относился к ним с таким раздражением, что даже приказал докучливым советчикам вернуться в Стокгольм» (Цветков 2000).

сии против Швеции? Нужно ли было, кстати, в точном соответствии с теорией культурных кругов и технологической интерпретацией истории «рубить окно» в Европу на Балтике, если такое «окно» уже было? Конечно, Архангельск, единственный тогдашний морской порт страны, не только большую часть времени года был скован льдом, но и был неудобно расположен географически – далеко от центра государства. Кроме того, к нему не было речных путей из центра и юга страны, и их нельзя было создать системой каналов. Короче говоря, для интенсивных торговых связей он не годился. Но при тогдашнем уровне развития можно было пытаться строить Новую Голландию, используя не ее технику, а ее знания. Могли ли в России XVII в. задуматься о преобразовании страны на манер Голландии без войн, экономно и мирно? История говорит – нет. Не случайно модернизация осуществлялась в ходе тяжелейшей войны. Во время Северной войны Россия переняла у Швеции ее главное военное достижение – легкую артиллерию и весь сопровождающий ее экономический и культурный комплекс: металлургические заводы и технические школы, регулярную армию и новое административное устройство, а у Голландии – только кораблестроение и навигацию, верхушку айсберга ее промышленного и гражданского устройства. Но главное, что приобрела Россия, – необходимый уровень знаний и умений населения, основополагающий фактор успешности как догоняющей, так и опережающей модернизации.

Фактор знания

Петр I впервые в истории России создал систему общего и специального образования, доступную для всех социальных слоев общества и достаточную для выполнения задач догоняющей модернизации. Престижность знаний гарантировалась социальной мобильностью. Только при Петре I знания для дворянина стали обязательным условием сохранения сословной принадлежности, а для других слоев населения обязательным условием вхождения в элиту общества – дворянство. Только при Петре I вертикальная мобильность на службе государства стала определяться знаниями и умениями их применения (Табель о рангах).

Что изменилось в процессе реформ в сознании, жизни людей и общественном бессознательном? В общественной жизни про-

изошли следующие принципиальные перемены. Изменились система государственного управления и государственная промышленность. Произошел резкий рост профессиональных знаний в социальных слоях, непосредственно связанных с госаппаратом и госпромышленностью, изменились дворянство и крупное купечество. Причем дворянство изменилось качественно и количественно. Оно удвоилось, но оставалось незначительной частью общества – не превышало 2 % населения страны. В то же время перемены затронули все слои общества, но выразились прежде всего во всеобщем крепостничестве. Крепостничество, мобилизация людей и средств были необходимы для достижения цели. И в военных условиях это вовсе не было противоестественным.

Для перехода петровской модернизации из догоняющей, экзогенной, неорганической в эндогенную, органическую требовалось не только сохранение престижности знаний в сфере государственной службы, но и установление аналогичной ценности знаний в обществе в целом. А последнее возникает только тогда, когда знания через свободный труд конвертируются в частную собственность и неизбежность собственности охраняется законом. Умонастроение органической, эндогенной модернизации Европы имеет своим основанием систему взаимосвязанных основных ценностей: знания – свободный труд – эквивалентный обмен (рынок) – частная собственность – закон. Без закрепления этого основания любые преобразования в России, где не было традиций частной собственности и закона, и модернизация в принципе возможны только одного рода – догоняющая. Переход к миру открывал возможность продолжения реформ и распространения умонастроения в массовые слои общества. Осуществляя реформы, Петр копировал не основание, о значении которого он, видимо, даже не задумывался, а надстройку – то, о чем не надо было думать, а нужно было просто видеть, то есть в конечном счете необходимое, но вовсе не достаточное. Могло ли копирование надстройки заставить вводить фундаментальные основания и с течением времени привести к изменению фундамента русской жизни? Петр мечтал превратить Россию в обожаемую им Голландию, а тогдашняя Голландия олицетворяла умонастроения эндогенной, органической модернизации. Иными словами, и это следует подчеркнуть, цель у реформатора была.

Пусть она не была четко оформленной, и не существовало разработанной комплексной программы действий. Пусть преобразования шли спонтанно в ходе решения текущих проблем. Главное было в другом: цель была поставлена и движение к ней хотя и было хаотичным, но неуклонным. В этом движении нужно было (неважно как, целенаправленно или спонтанно в общем потоке преобразований) пройти точку невозврата. Развитие образования, доступного всем слоям общества, экономическая правоспособность всех слоев населения, прямая политическая и фискальная связь с государством представителей всех сословий, существовавшая при первом императоре, объективно благоприятствовали созданию массового умонастроения модернизации. Чтобы это умонастроение стало всеобщим, кажется, достаточно было освободить крестьян от власти помещиков. В Европе – во Франции, Англии, Голландии, Испании, Италии крепостное право было уничтожено в XIV–XV вв. Логика преобразований вела Петра к освобождению крестьян от помещиков. Были ли для этого объективные возможности?

Фактор свободного труда

Как известно, крепостная зависимость возникла при первом государе всея Руси Иване III как единственно возможная в то время система оплаты труда помещиков за службу государству, то есть чиновников. Петр ликвидировал институт дворянского ополчения, то есть прямого содержания военнослужащих (помещиков и их боевых холопов) за счет крепостных крестьян (их пашенных холопов). Известно, что он сделал существенный шаг в направлении сокращения расходов на содержание помещиков за счет крестьян Указом о единонаследии⁹. Одновременно права дворян на крестьян и их труд были ограничены. Но самое главное, хотя и незаметное, было в другом. При Петре государство стояло над всеми социальными слоями, причем наиболее закрепощено было не крестьянство, но дворянство (см.: Миронов 2000: 361–362), государственная

⁹ До Петра I землю и крестьян можно было передавать всем наследникам владельца. Петр I «Указом о единонаследии» ограничил возможность передачи наследства одному наследнику мужского пола, поставив остальных перед необходимостью добывать свой «хлеб насущный» за счет частного предпринимательства, но практически почти единственным способом – на службе государству.

служба была персонифицирована и тем самым демократизирована. Дворяне были обязаны нести бремя не коллективной ответственности, когда распределение должностей осуществляется в соответствии с местом в сословной иерархии, а личной, когда распределение должностей осуществляется в соответствии с достоинствами личности.

Думается, что после осуществления тотального обложения налогами населения и увеличения доходов от внешней торговли (того, на чем взошли Нидерланды) Петр имел средства для оплаты труда военных и штатских чиновников из казны. Сулила большие доходы торговля с Востоком по Великому Волжскому пути, в частности за счет дешевизны транспортировки и большого объема перевозимых по воде товаров¹⁰. Известно, что казенная торговля только с Китаем – второстепенным торговым партнером России – существенно снижала налоговое бремя населения России¹¹.

Петр ввел всю страну в крепостное состояние, в котором все сословия стали бесправными и тем самым равными перед государством в своей бесправии. Переход от всеобщего крепостничества к широкой свободе в условиях самодержавия проще, чем в процессе постепенного расширения свобод отдельных социальных слоев. Прямое действие заключалось в самодержавном царском декрете, отменяющем крепостничество и создающем ситуацию мгновенного перехода от подневольного к свободному труду. Декрет – точка невозврата, поскольку после государственного декрета в самодержавном государстве отнять у крестьян свободу уже невозможно.

¹⁰ Не случайно сразу после окончания Северной войны были завоеваны провинции Ирана на побережье Каспия, 12 сентября 1723 г. был заключен Петербургский договор с Персией, по которому в состав Российской империи включалось западное и южное побережье Каспия с городами Дербент и Баку и провинциями Гилян, Мазендеран и Астрабад, впоследствии быстро утраченными, как и многое другое из наследства реформатора.

¹¹ «Прибыли, полученные от торговой экспедиции 1710 г. в Китай ... позволяли закрыть половину всего бюджетного дефицита страны за 1710 г. Доход от поездки 1712 г. мог обеспечить всю деятельность тогдашнего российского Генерального штаба на протяжении двух с половиной лет. Только три каравана (1706, 1710, 1712 гг.) в совокупности принесли средства, равные почти 20 % общих годовых расходов на полное содержание сухопутной армии и ВМФ (300 тысяч человек) воюющего российского государства» (Григорьева 2002: 212–213, подробнее см.: Она же 2000, гл. 3).

Помимо политического освобождения крестьян для возникновения унитарности на развитие за счет собственной инициативы все слои общества должны были иметь возможности для развития: получить свободу экономической деятельности, политическую и юридическую правоспособность. Думается, что если бы вместо традиционного *владения* землей и имуществом был введен, как в Европе, институт частной собственности, охраняемой законом, распространенный на все слои населения¹², не просто было бы дворянству приватизировать (узурпировать) права государства и ужесточить крепостное право. После смерти императора произошел, как известно, захват государственной власти одним социальным слоем – вновь созданным Петром дворянством. За чередой дворцовых переворотов XVIII в., осуществляемых военной элитой, стояла постепенная социально-экономическая кастрация дворянством остальных слоев населения страны. Новое дворянство не только расширяло свои права за счет государства, оно резко снизило возможность вертикальной мобильности – пополнения элиты представителями других социальных слоев, превратившись в почти закрытую касту, отделенную от других сословий культурным барьером. В одно и то же время в одном и том же пространстве возникла гетерогенная смесь двух русских субэтнотипов, резко различающихся по культуре: европеизированный дворянско-городской и традиционный крестьянско-деревенский.

С 1679 по 1731 г. государство непосредственно собирало налоги со всего населения путем подворного обложения. В 1731 г. помещики получили право на сбор подушной подати со своих крестьян, то есть устранили прямую фискальную связь государства с основной частью населения. В 1741 г. была разорвана символическая прямая политическая связь крестьян и власти: отменена присяга помещичьих крестьян на верность вступающему на престол государю. С 1746 г. привилегия покупать крепостных закреплена за дворянами, другим сословиям покупка крепостных была запрещена.

¹² Если не все слои имеют одинаковые права, то нововведения воспринимаются не как общее правило, а как исключение или как нечто другое. При Екатерине Великой помещики получили право собственности на землю. Но восприняли его не как сословную привилегию за службу государству, то есть не как собственность, а как вечное владение (см.: Кульпин 2008б).

В 1760 г. помещикам было разрешено ссылать крестьян в Сибирь на поселение с зачетом их за рекрутов. Иными словами, государство передало часть своих функций по системе наказаний. С 1761 г. помещики лишили крестьян экономической правоспособности: помещичьим крестьянам было запрещено выдавать векселя и вступать в поручительство. С 1765 г. помещики получили право ссылать крестьян за проступки на каторжные работы. В 1762 г. впервые в истории России дворяне освобождались от обязательной 25-летней гражданской и военной службы, но крестьяне не освобождались от крепостной зависимости. Жалованная грамота дворянству 1785 г. закрепила за ним монопольное право владеть землей и крепостными. При этом земля впервые передавалась помещикам в частную собственность. Таким образом был нарушен негласный социальный договор (см.: Кульпин 2008а), что было вопиющей социальной несправедливостью.

Ловушка социальной несправедливости

Казалось бы, следующий цикл реформ начался с того, на чем остановился первый, – с освобождения крестьян от крепостной зависимости. Однако родовая травма узурпации государства одним социальным слоем стала препятствием на пути перехода к европейской системе взаимосвязанных основных ценностей. Дворяне получили землю в частную собственность в нарушение неформального социального договора взаимного служения: для того, чтобы государство могло служить народу (крестьянам), крестьяне должны служить помещикам – слугам государевым. То, что получено во временное пользование, не может быть собственностью по определению. Естественным собственником земли по логике вещей должен быть не временный владелец, но постоянный, не помещик, но крестьянин. Положение усугублялось тем, что законы не были едиными для всех. Город жил по законам, деревня – по традициям (обычаям). Земля у помещиков и горожан была в частной собственности, у крестьян – в коллективной.

Великие реформы преследовали цель модернизации лишь одного из двух субэтносов России – дворянско-городского, который воспринял умонастроение модернизации, и в целом к моменту Февральской революции города завершили процесс модернизации по

европейскому образцу, где действовала связка «знания – частная собственность – закон». Второй субэтнос – крестьянский – до Столыпина не участвовал в этом процессе. Там не было умонастроения престижа знаний, не было частной собственности и охраняющего ее закона.

Обязательство выплаты выкупных платежей за землю государству общиной, а не отдельными крестьянами освободило крестьян от помещиков, но поставило их в не меньшую, а нередко и большую зависимость от общины, что имело негативные следствия. Община гарантировала выживание членов распределением земли по едокам. Система перераспределения наделов в числе других причин провоцировала демографический рост, хищническую эксплуатацию земли, обнищание деревни и девиантное поведение населения (см.: Кульпин 2010; Кульпина 2010).

П. А. Столыпин пытался, но не успел, не смог форсированно привить крестьянству городское умонастроение и тем самым сделать умонастроение всего населения России единым, но решительные шаги в этом направлении были сделаны. Реформы Столыпина, прежде всего образования (с целью быстрого достижения всеобщей грамотности), освобождение крестьян от крепостной зависимости от общины, отмена сословных привилегий, мощная государственная поддержка стихийного массового переселения крестьян на новые земли¹³, не дали должного результата из-за начавшейся Первой мировой войны и неисправимого традиционного стремления самодержавия ограничить инициативу общества¹⁴.

¹³ «Ситуация в России напоминала британскую в том смысле, что отток в доступные в политическом отношении и малозаселенные пограничные земли был доступен сельскому населению, которое не могло более следовать традиционному укладу жизни у себя на родине. В 1880–1914 гг. более шести миллионов русских переселились в Сибирь и около четырех миллионов — на Кавказ. В то же время около двух с половиной миллионов жителей западных окраин России (в большинстве своем поляков и евреев) перебрались за океан (Reinhard *et al.* 1968: 401, 470; Treadgold 1957: 33–35). Благодаря железным дорогам и вызванным снижением стоимости наземных перевозок многообразным проявлениям промышленно-коммерческой экспансии, эти “предохранительные клапаны” дополнялись расширяющимися возможностями для трудоустройства в городах. Однако вскипавшее в большинстве сельских областей России недовольство наглядно проявилось в ходе внезапной вспышки революционного насилия 1905–1906 гг.» (Мак-Нил 2008: 359).

¹⁴ Особенно это было видно в важнейшей для огромной России области модернизации – строительстве железных дорог. Как пишет Д. Орешкин, «9 мая 1913 г. Совет съездов пред-

С началом Первой мировой войны обеспечение промышленными изделиями населения в прежних объемах стало невозможным. С захватом Германией Польши в самом начале войны Россия лишилась главного очага легкой промышленности страны, а со вступлением в войну Турции на стороне Германии оказалась в условиях внешнеэкономической блокады. Экономические контакты с союзниками не могли компенсировать товарный дефицит. Они осуществлялись через Архангельск (позднее была проложена колея в Мурманск), куда корабли союзников плыли через частокол германских подводных лодок или более безопасно – через Дальний Восток по самой протяженной в мире одноколейной Транссибирской магистрали. Незавершенность индустриализации вызвала острый дефицит промышленных товаров, что порождало недовольство населения, находившем свое выражение в обострении отношений между двумя субэтносомами России.

Напряженность отношений двух субэтносов вылилась в противостояние Гражданской войны. В войне победили приверженцы крестьянского умонастроения, для которых оказалась приемлемой специфическая русская форма марксистской идеологии. Далее но-

ставителей промышленности и торговли представляет официальный доклад по вопросам коренного улучшения транспорта за подписью члена Государственного совета Н. Авдакова и управляющего делами барона Г. Майделя. Доклад констатирует, что дорожная сеть опасно отстала от роста населения и хозяйства, в связи с чем нагрузка на нее (в пудо-верстах) за последние 10 лет возросла на 84,6 %. Дальнейший рост экономики требует к 1920 г. увеличить протяженность сети до 110 000 верст. Это, в свою очередь, означает необходимость вводить по 5000 с лишним верст пути в течение 8 лет. Там же недвусмысленно сказано про “искусственный тормоз развития” из-за стремления правительства взять процесс под монопольный контроль: *“Если дело пойдет так и дальше, то мы, очевидно, не справимся со всеми грузами, которые будут предъявляться к перевозке, и страна, естественно, будет охвачена кризисом, тем более тяжелым, что он будет вызван искусственно <...> Несмотря на то что частная инициатива затрачивает огромные суммы на производство изысканий, самое удовлетворение ходатайств о сооружении дорог дается чрезвычайно скупо <...> Правительство в этом деле действует крайне вяло, а это угрожает насущнейшим интересам страны”*. На языке цифр дело выглядело так. К 1910 г. железнодорожная сеть России общей протяженностью 62 422 версты включала 42 502 версты казенных дорог и 19 920 верст частных. По данным Авдакова, который ссылается на официальные материалы МПС, в 1913 г. казна проектирует на ближайшие годы строительство всего 9000 верст пути, тогда как частные предприниматели за свой счет уже вложились в изыскания и проектирование 50 200 дополнительных верст, что с гарантией покрывает обозначенный в докладе дефицит сети к 1920 г. Однако правительство не хочет, не может допустить, чтобы более половины железных дорог России оказались в руках частных. Пусть рост будет в 5 раз меньше, но зато свой, казенный...» (Орешкин 2012).

вая элита, пришедшая к власти после Гражданской войны, стала управлять страной более самодержавно. Она подвергла жесточайшему физическому и моральному прессу городской субэтнос, уничтожила мировоззрение традиционного крестьянства и привела его в условиях сверхэксплуатации к моральной и физической деградации. На средства, полученные за счет рабской эксплуатации колхозного крестьянства и городских слоев населения, советская власть продолжила процесс модернизации, завершив его перед Второй мировой войной. Завершение начальной индустриализации позволило СССР за счет колоссального напряжения общества выйти на паритетный технологический уровень с ведущими европейскими державами, что обеспечило победу советского народа в Великой Отечественной войне с Германией.

Победа в войне способствовала моральному подъему, а послевоенное развитие (эпоха, получившая название «оттепели») сплотило народ общей культурой и новыми едиными представлениями о мире и о себе, отличающимися от представлений прошлых субэтносов. В это непродолжительное время впервые в истории России возникло умонастроение опережающей модернизации, нашедшей свое отражение в ряде технологических достижений. Сохранение же этого умонастроения было невозможным без демократизации общественной жизни – политической и экономической. Демократизация объективно вела к самоорганизации общества и смене прежней элиты. Хотя в связи с последовавшим быстрым отставанием СССР от развитых стран в условиях технологической перестройки в мире необходимость модернизации была очевидной, элита остановила процесс демократизации, что вызвало исчезновение умонастроения модернизации и прекращение массового процесса поиска новых технологий. Но в то же время она осознала необходимость кардинальной смены системы основных ценностей: свободного труда, эквивалента (рыночных отношений), частной собственности и охраняющего ее закона.

Бюрократическая элита пошла на политическую демократизацию, закончившуюся падением режима в условиях еще неразвившегося процесса самоорганизации общественных слоев и групп населения. В это время единственно самоорганизованной частью населения оказалась криминальная, которая пыталась захватить власть и собственность и оказала решающее влияние на умона-

строения и культуру всего общества¹⁵. В то же время пошел быстрый процесс самоорганизации как социального слоя старой бюрократической элиты, ставшей новой бюрократией, усвоившей элементы криминальной культуры.

В условиях крайней инфантилизации общества, что является ее характерной чертой во все времена, но в нынешнее особенно (см.: Олейников 2007; 2010; 2012а; 2012б), кажется, что в России модернизация реальна и необратима лишь при блокировании возможности захвата государственной власти какой-либо организованной социальной группой или слоем. Если такой блокировки нет, то бюрократия приватизирует власть-собственность практически по одной и той же схеме: кто чем владеет, тот то и делает своей собственностью. А далее по Максиму Веберу: бюрократия обладает свойством угнетения любой инициативы общества.

* * *

История ясно показывает условие проведения догоняющей модернизации: устранение сопротивления преобразованиям каких-либо самоорганизованных социальных слоев в течение времени как минимум одной смены демографических поколений. Переход от экзогенной (догоняющей) к эндогенной (опережающей) модернизации возможен при равенстве возможностей для всех слоев населения в процессе преобразований и в пользовании его результатами. В условиях социальной несправедливости переход невозможен, для него нужно моральное основание. Точкой невозврата является создание условий сохранения морального основания, в частности, блокирования возможности захвата государственных функций каким-либо одним социальным слоем.

Литература

Григорьева, Е. А.

2000. *Российско-китайские отношения второй половины XVII – первой четверти XVIII в. в контексте развития внешнеполитической доктрины империи Цин*. Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород: НГУ.

¹⁵ Как пишет В. Лефевр, «в течение последних двух десятилетий в России происходили радикальные изменения. На общественную арену вышел преступный мир со своими ценностями, потеснившими стандарты советской эпохи и дореволюционного времени» (Лефевр 2010).

2002. К вопросу о взаимосвязи европейского и дальневосточного направлений во внешней политике России II половины XVII – I четверти XVIII в. *Природа и самоорганизация общества*. Серия «Социоестественная история». Вып. 22 (с. 210–213). М.: Московский лицей.

Изучение опыта кораблестроения в Голландии и Англии. 2012. URL: <http://flot-rossii.ru/izuchenie-opyta-korablestroeniya-v-gollandii-i-anglii>

Иноземцев, В. 2009. Модернизации или инновации? *Независимая газета* 22 июня.

История катастроф государства Российского в летописях, исторических очерках и официальных изданиях. *Основы безопасности жизнедеятельности 2007*: 7–8. Спец. выпуск.

Клименко, В. В. 1997. *Энергия, климат и историческая перспектива России*. В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Билль о правах человека и природы*. Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Вып. IX. М.: Ин-т востоковедения РАН.

Клименко, В. В., Мацковский, В. В., Пахомова, Л. Ю. 2012. Колебания климата высоких широт и освоение Северо-Восточной Европы в Средние века. *История и современность 2*: 130–163.

Кульпина, Ю. Э. 2010. *Генезис пьянства и хулиганства в России*. Изд. 2-е. М.: URSS.

Кульпин, Э. С.

1990. Неразгаданный парадокс: будущее мира в прошлом Китая. В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Сюй Дисинь. Экологические проблемы Китая*: сокр. пер. с кит. (с. 7–47). М.: Прогресс.

1995. *Путь России*. М.: Московский лицей. (2-е изд.: URSS, 2008.)

2005. Истоки ментальности россиян. В: Кульпин, Э. С., Клименко, В. В., Пантин, В. И., Смирнов, Л. М., *Эволюция российской ментальности*. Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Вып. XXVI (с. 7–86). М.: ИАЦ-Энергия.

2007. Конфликт ментальностей в реформах Столыпина. В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Человек и природа: противостояние и гармония* (с. 155–165). М.: ИАЦ-Энергия.

2008а. Становление системы основных ценностей российской цивилизации. *История и современность 1*: 49–75.

2008б. Эволюция российской ментальности. Два субэтнуса. *История и современность 2*: 34–54.

2008в. Восточный ритм русской истории. *Общественные науки и современность* 6: 60–73.

2009. *Восток: Природа – технологии – ментальность на Дальнем Востоке*. 2-е изд. М.: URSS.

2010. Василий Докучаев: судьба ученого и судьбы России. В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Природа и общество на пороге метаморфоз* (с. 172–190). М.: ИАЦ-Энергия.

2013. Глобализирующийся мир и политическая модернизация. *Полис* 3.

Лапкин, В. В. 2012. *Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений*: научная монография. М.: ИМЭМО РАН.

Лефевр, В. Модернизация морали. *Независимая газета*. 2010. 28 апреля.

Мак-Нил, У. 2008. *В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках*. М.: Территория будущего.

Медоуз, Д. 2012. Мало не покажется. *Эксперт* 16 (799). URL: <http://expert.ru/expert/2012/16/malo-ne-pokazhetsya/>

Миронов, Б. Н. 2000. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*: в 2 т. 3-е изд., испр., доп. Т. 1. СПб.: Дмитрий Булавин.

Нефедов, С. А. 2011. Петр I: блеск и нищета модернизации. *Историческая психология и социология истории* 1: 47–73.

Нефедов, С. А., Запарий, В. В., Личман, Б. В. 1999. Технологическая интерпретация новой истории России. *Регион-Урал* 12: 36–39.

Олейников, Ю. В.

2007. *Инфантильный социум (аналитическое эссе)*. М.: РГСУ.

2010. *Зрелое общество: проблема, реальность, перспективы*. М.: Перспектива.

2012а. Влияние природной среды на развитие человека. В: Кульпин-Губайдуллин, Э. С., Борисова, Е. А. (ред.), *Человек и природа в пространстве и времени*. Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Вып. XXXVI (с. 218–242). М.: ИАЦ-Энергия.

2012б. Судьба инфантильного социума. *История и современность* 2: 47–74.

Орешкин, Д. 2012. Железнодорожная фантазия. О применении опыта «эффективного сталинского менеджмента» в современной России. *Новая газета* 12 мая.

Страда, В. 2000. Четвертая модернизация. Европа и русская идеология. *Независимая газета* 27 июля.

Фурман, Д. Е. 2010. Последняя модернизация. *Независимая газета*. 25 августа.

Цветков, С. 2000. *Карл XII. Последний викинг. 1682–1718*. М.: Центр-полиграфиздат. URL: <http://readr.ru/sergey-cvetkov-karl-xii-posledniy-viking-1682-1718.html?page=16##ixzz1dbUtRNud>

Янов, А. 2009. Реформы в сегодняшней повестке дня: экономические и политические. *Независимая газета* 30 марта.

Reinhard, M., Armengaud, A., Dupaquier, J. 1968. *Histoire generale de la population mondiale*. 3^d ed. Paris.

Treadgold, D. W. 1957. *The Great Siberian Migration*. Princeton.